

Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей».

Взгляд пятый¹

Д.С. МИХАЙЛОВСКАЯ, НИУ «Новосибирский государственный университет».
E-mail: daria.mikhaylovskaja@yandex.ru

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
НИУ «Новосибирский государственный университет», Новосибирск.
E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

«И какая от таких повествований польза отечеству? Никакой, хоть на первый, хоть на пятый взгляд. Но вот говорят: дурацкое дело нехитрое. Опыт... эту максиму не подтверждает... При внимательном рассмотрении обнаруживаются и метод, с его условностями и превратностями, и вполне артикулированное мироощущение, чтобы не сказать, философия жизни. Разбираться в том и другом – задача довольно увлекательная».

Марк Амусин [Амусин, 2015]

Статья продолжает цикл публикаций в журнале «ЭКО» с краткими отчетами о результатах исследования по прогнозированию развития российской экономики с применением экспертно-статистического байесовского метода. Особенность метода состоит в том, что на основе экспертных оценок он позволяет строить прогнозы в условиях сильной неопределенности. На пятом этапе исследования сформирована содержательная модельная конструкция, отражающая комплекс социальных проблем. По результатам экспертного опроса и их интерпретации «нарисована» картина наиболее вероятного будущего. Математическое моделирование прогноза выявило его почти равновысокую релевантность со сценариями «Ресурсная держава», «Лицом к Востоку» и «На периферии мира».

Ключевые слова: сценарное прогнозирование; моделирование экономики; экспертно-статистический байесовский метод; мониторинг-прогноз; неопределенность; экономика России; ресурсная держава; социальные проблемы; социальная политика

¹ Авторы выражают глубокую благодарность ведущим ученым Института экономики и организации промышленного производства, Института природных ресурсов, экологии и криологии, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Новосибирского государственного университета, Новосибирского государственного технического университета и Сибирского федерального университета, которые согласились выступить в роли экспертов и тем самым оказали неоценимую помощь в выполнении исследования.

По мере продвижения нашего прогностического исследования становится все труднее и труднее подыскивать вводные слова для каждой очередной статьи цикла «Будущее российской экономики глазами “отцов” и “детей”». Нынешняя является пятой по счету и, как обычно, представляет собой краткий отчет о результатах, которые были получены на последнем этапе работы, т.е. в 2018 г. Неизменным остается и наше чувство благодарности журналу «ЭКО», при заинтересованной поддержке которого изыскания, начатые пять лет назад как личная инициатива авторов, превратились в планомерный научно-исследовательский проект под названием «Сценарное прогнозирование российской экономики».

Введение как повторение пройденного

Для построения сценарных экономических прогнозов используется экспертно-статистический байесовский метод, изначально разработанный специалистами фонда «ИНДЕМ» для целей прогнозирования политической ситуации в России [Благовещенский и др., 2016]. Особенность метода, опирающегося на неформализованный источник информации в виде экспертных оценок, состоит в том, что он позволяет строить прогнозы по принципу, выраженному в следующих словах: **«Если мы не можем точно прогнозировать будущее, то мы, по крайней мере, вправе попытаться связать возможные варианты будущего с настоящим»** [Благовещенский и др., 2012. С. 75].

Конструкция прогнозной модели состоит из трех частей:

1) набора задаваемых базовых сценариев развития экономики в будущем (с примерным горизонтом предвидения до 2030 г.), шансы реализации которых определяются в процессе численного моделирования прогноза;

2) набора проблемных ситуаций (проблем), которые характеризуют современную ситуацию в экономике и должны каким-то образом разрешиться в будущем;

3) способов разрешения проблемных ситуаций (в виде наборов для каждой из проблем), альтернативный выбор которых предопределяет, по какому сценарию будет происходить развитие экономики.

Набор из пяти **базовых сценариев** («На пути в ОЭСР», «Ресурсная держава», «Лицом к Востоку», «Свой путь», «На периферии мира») зафиксирован, начиная со второго этапа исследования, и пока что мы не считаем целесообразным вносить какие-либо

коррективы в эту компоненту прогнозной модели². Спецификации сценариев отражают возможные будущие состояния российской экономики, моделируемое движение в направлении которых происходит в результате комбинации различных исходов при разрешении проблемных ситуаций. При построении прогнозов в привязке к определенным макропроблемам вторая и третья компоненты модели – наборы проблемных ситуаций и способов их разрешения – строятся целевым образом для каждого этапа исследования. Данный процесс проходит с участием экспертов в формате «круглого стола», дающего возможность для совместного обсуждения текущих результатов и основ построения обновляемых модельных конструкций. Две последние встречи такого рода состоялись в марте 2017 г. и в апреле 2018 г.³

На отчетном этапе исследования мы обратились к социальной проблематике (макропроблеме «Социальное развитие»), тем самым завершая оценку сценариев будущего развития экономики России в разрезе отдельно взятых крупных проблем (вслед за макропроблемами антикризисного управления экономикой и регионального развития). Думается, что это логично, ведь изучая тенденции развития любой социально-экономической системы, нельзя оставить в стороне проблемы собственно социального характера. Для страны, ставящей своей целью рост благосостояния граждан, способность решать такие задачи, как, например, преодоление бедности, сокращение безработицы и дифференциации по доходам, усиление социальной защиты населения является важным индикатором успешности проводимой экономической политики.

Социальная проблематика как основа построения сценарного прогноза

При построении сценарного прогноза необходимо прежде всего структурировать макропроблему, выделить ее наиболее значимые составные части и представить в виде некоторой

² Подробное описание сценариев дано в наших предыдущих статьях [Карева, Шмат, 2015; Михайловская и др., 2017].

³ Круглый стол «ЭКО» «Сценарное прогнозирование российской экономики»: обсуждение результатов исследований и планов на будущее, 2017 г. – 17.03.2017. URL: <http://www.kz.ieie.nsc.ru/video/video1703-2017.html> (дата обращения: 02.12.2018); обсуждение результатов исследований и планов на будущее, 2018 г. – 26.04.2018. URL: <http://www.kz.ieie.nsc.ru/video/video2604-2018-eco.html> (дата обращения: 02.12.2018).

совокупности проблемных ситуаций, отражающих динамику демографических процессов, занятости, уровня жизни и дифференциации доходов населения, а также состояние социальной сферы и положение отдельных (социально уязвимых) групп населения.

Вполне очевидно, что *демография* и экономика неразрывно связаны. Поэтому реализацию того или иного варианта (сценария) демографического прогноза можно считать индикатором будущей динамики и качественных параметров экономического развития. В свою очередь, ожидаемые в будущем демографические тенденции во многом производны от современного состояния экономики.

Оценивая демографические перспективы России при построении модели, мы взяли за основу прогноз на период до 2050 г., разработанный в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Согласно этому документу, при любом возможном варианте динамики основных показателей в прогнозе выявляется проблема повышения демографической нагрузки на трудоспособное население страны. Если в 2016 г. удельный вес трудоспособных граждан в численности населения России составлял около 57%, то к 2030 г. он может снизиться до 52–54% (к 2050 г. – 46–50%), при этом будет наблюдаться постепенное старение населения [Архангельский и др., 2017]. Иначе говоря, вне зависимости от проводимой государством демографической политики, реально существует угроза нарастания степени социальной незащищенности населения, так как уже сегодня пенсионная система сталкивается с недостатком финансирования, и пока что остается не ясным, каким образом будут обеспечиваться выплаты в дальнейшем [Соловьев, 2016].

В данном контексте важно, что в России *система социальной защиты* населения, которая должна быть нацелена на обеспечение достойного уровня жизни и снижение рисков для социально уязвимых слоев, в большей степени представлена мерами монетарного характера. Но при этом в последние годы уровень жизни пенсионеров снижается (по соотношению пенсионных выплат с величиной прожиточного минимума). Планируемые долгосрочные параметры выхода из бюджетного кризиса (до 2035 г.) усиливают риски углубления и расширения бедности для всех категорий пенсионеров, даже несмотря на то,

что в отличие от трудоспособных категорий граждан, пенсионерам не грозит «скатиться» ниже нормативной бедности (в силу законодательно гарантированных доплат до уровня прожиточного минимума) [Соловьев, 2017].

Другой стороной уже происходящего и прогнозируемого в будущем процесса старения населения может стать обострение проблем *бедности* и *дифференциации доходов*. С прогностической точки зрения прежде всего важны негативные тенденции, которые сложились в последние годы и которые принято объяснять ухудшением экономической ситуации. К 2017 г. уровень абсолютной бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) вырос до 13,2% против 10,7% в 2012 г. Увеличилась доля населения со сравнительно низкими доходами: в 2013 г. размер страты с доходами менее двух прожиточных минимумов составлял 36,4%, а в 2017 г. он достиг почти 42%⁴. Естественно, встает вопрос, насколько устойчивой может быть отмеченная тенденция и каковой должна быть экономическая динамика в стране, чтобы противостоять нарастанию бедности?

Важно отметить, что заниженный уровень минимальной заработной платы приводит к бедности даже среди людей, работающих полный рабочий день. Указанное отличие бедности в России от таковой в развитых странах имеет место по той причине, что уровень минимальной зарплаты превышает российский в 10–15 раз, тогда как уровень реальных доходов в России ниже всего в 2–3 раза [Аганбегян, 2017]. При анализе рисков наступления бедности высвечиваются, например, проблемы молодежи и так называемой российской «глубинки», т.е. малых городов и сельской местности. По материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного Росстатом [Социальное положение, 2017], можно сделать вывод, что в нашей стране угроза бедности со всеми вытекающими из этого последствиями прежде всего витает над молодым поколением и людьми, живущими в той самой «глубинке».

Что касается *уровня жизни населения*, то в условиях, когда средние показатели довольно высоки (как это имеет место в России, которая по классификации Всемирного банка относится

⁴ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/ (дата обращения: 04.12.2018).

к числу стран с доходами выше среднего уровня⁵) первостепенное значение приобретает проблема *дифференциации* и *справедливого распределения доходов* в обществе. К сожалению, в настоящее время в России наблюдается крайне высокая дифференциация доходов населения, поскольку в результате проведения радикальных экономических реформ при переходе от «плана к рынку» были нарушены проверенные мировой практикой оптимальные пределы этой дифференциации [Жуковская, Краснова, 2018]. Актуальные статистические показатели России, характеризующие имущественное расслоение в обществе (например, коэффициент Джинни = 0,41 и коэффициент фондов = 15,6), находятся примерно на уровне развивающихся стран, но не стран с развитой экономикой [Калабеков, 2018]. В тенденциях изменений в уровне дифференциации доходов населения, как и в случае с проблемой бедности, в последние годы практически не просматривается улучшений.

Анализируя проблему бедности и ее рисков для разных групп населения, мы логично подходим к вопросу *занятости*, ведь именно безработные и частично занятые граждане прежде всего относятся к категории бедных. Согласно статистике, уровень безработицы на конец 2017 г. составил в России 5,2%, т.е. находился близко к естественному уровню⁶. Но это если не учитывать феномен скрытой безработицы. Так, по оценкам экспертов, в 2014 г. показатель скрытой безработицы достигал 12%, почти в 2,7 раза превышая официально фиксируемый уровень [Руднев, Шпилина, 2015]. При этом по всем параметрам – абсолютным и относительным – растет занятость в неформальном (теневом) секторе экономики. Характерно, что в сельской местности (к вопросу о ситуации в российской «глубинке») уровень неформальной занятости в 1,7 раза выше, чем в городах [Социальное положение..., 2013; Социальное положение..., 2017]. Результатами отмеченной

⁵ В 2017 г. душевой ВВП в России при измерении по паритету покупательной способности составил 25,5 тыс. долл. (55-е место среди проиндексированных 186 стран мира), тогда как в целом по группе стран с доходами выше среднего уровня (upper middle income) величина показателя находилась на отметке 17,7 тыс. долл. Для сравнения: среднемировое значение – 16,9 тыс. долл.; в среднем по странам с высоким уровнем дохода (high income) – 47,3; по странам ОЭСР – 43,4 тыс. долл. – World Bank Open Data // GDP per capita, PPP (current international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 05.12.2018).

⁶ Трудовые ресурсы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 04.12.2018).

тенденции являются не только усиление дифференциации доходов, снижение социальных гарантий для населения, обострение финансового дефицита пенсионного и других социальных фондов, но также криминализация трудовых отношений и негативные социально-психологические последствия.

Перспективы развития (накопления) человеческого капитала связаны с проблемой *социальной сферы*, важнейшие подсистемы которой – отрасли здравоохранения, образования и культуры. Каждая из этих отраслей, оказывая специфические услуги населению, безусловно, обладает своими особенностями, однако есть общие для всей социальной сферы тенденции и проблемы развития. К их числу относятся, например, неэффективное использование ресурсов и чрезмерная бюрократизация (формализованность) в ущерб качественным характеристикам деятельности, что особенно ярко проявляется в некоммерческих сегментах здравоохранения и образования [Чернышев и др., 2016; Доновна, 2016].

В качестве одной из важнейших социальных проблем мы рассматриваем *проблему российской «глубинки»*, т.е. жизни людей в малых городах и сельской местности. В чем она состоит? Ранее уже были отмечены повышенные риски бедности. Очевидно, к этому можно добавить безработицу, сравнительно плохие жилищные условия, слабую транспортную доступность, ограниченные возможности получения качественных социальных услуг и многие другие трудности, с которыми сталкиваются жители сел и малых городов.

Так, деградация производства, произошедшая в 1990-х годах в сельском хозяйстве, привела к множеству негативных социальных последствий, включая беспрецедентный рост безработицы и тотальное обеднение – более половины сельского населения оказалось за чертой бедности. Сегодняшний же парадокс состоит в том, что при массовом высвобождении рабочих рук с каждым годом обостряется проблема нехватки специалистов и квалифицированных работников. Усиливается социальная дифференциация территорий и населенных пунктов по причине концентрации производства на относительно небольшом количестве предприятий и растущего неравенства производителей по экономическим и технико-технологическим параметрам [Фадеева, 2018]. В целом же, по-видимому, можно говорить о том, что в России отсутствует

интегрированный подход к решению проблем села, а ресурсы государственной поддержки используются нерационально.

Мы никак не можем обойти вниманием *проблему молодежи*, отдельных сторон которой мы уже касались⁷. Молодежь, в руках которой через 10–20–30 лет окажется будущее страны, составляет около трети населения России. Главная задача государства и общества – направить энергию молодого поколения в нужное русло, акцентировать внимание на решении насущных проблем [Меркулов, Орлова, 2015]. Однако те зримые «плоды», которые приносит современная молодежная политика государства, в основном имеют идейно-воспитательный и политический «привкус». Проблемы же лежат в области более «материалистической», связанной с созданием благоприятных условий жизни сегодня и возможностей реализации творческого и трудового потенциала в будущем.

Завершая наш краткий анализ, отметим, что в решении любой проблемы социального характера трудно переоценить значимость влияния государства – прямого и косвенного. Прямое воздействие выражается в проводимой правительством *социальной политике*, ее направленности (целях и задачах), методах и инструментах реализации, в том, насколько ее реальное содержание соответствует, с одной стороны, декларируемым приоритетам, а с другой – объективным и субъективным потребностям населения страны. Активная роль социальной политики состоит в том, что она должна быть не только стабилизирующей (направленной на достижение социально-политической устойчивости общества), но и стимулирующей, способной привнести в общество и в экономику необходимую мотивационную энергию человеческого фактора, что особенно важно в условиях перехода страны на инновационный путь развития [Люблинский, 2008].

Учитывая современное состояние российской экономики и социума, тенденции развития последних лет, можно с уверенностью говорить о необходимости внесения значительных корректив и в экономическую, и в социальную политику. При

⁷ Проблема вызывает у нас особый, специфический интерес, поскольку индикативная экспертная аудитория («дети») в проекте состоит из аспирантов и студентов экономического факультета НГУ, т.е. представителей молодого поколения, которые к тому же готовятся стать профессиональными экономистами (в том числе учеными-исследователями).

этом существует очень широкая вариабельность сценариев будущей социальной политики с различиями качественного и количественного свойства. В научно-прогностическом плане важно то, что эта вариабельность как раз и создает основу для проведения исследований, подобных нашему. А неразрывное единство социальной и экономической политики, социальных и экономических процессов означает, что попытка построения прогноза с акцентом на социальной проблематике может быть вполне индикативной и может способствовать формированию более широких представлений о вероятных путях дальнейшего развития российской экономики.

О подготовке информационной базы для моделирования прогноза

На основе проведенного структурирующего анализа макропроблемы социального развития мы включили в модель сценарного прогнозирования *девять проблем (проблемных ситуаций)*.

1. Социальная политика (общая направленность, подходы к формированию и реализации): цели, задачи, реальное содержание.

2. Демографическая ситуация.

3. Бедность.

4. Безработица.

5. Проблема справедливого распределения доходов и уровня жизни.

6. Социальная защита населения.

7. Социальная сфера.

8. Положение российской «глубинки» – села и малых городов.

9. Проблема молодежи.

Каждой из приведенных выше проблем вменялось по пять вариантов разрешения, т.е. в целом данный блок модели включает *45 разрешающих событий*, шансы наступления которых (в процентном виде с суммой, равной 100 для каждой проблемы) оцениваются экспертами.

Напомним уважаемому читателю, что в нашем исследовательском проекте работа ведется с двумя аудиториями экспертов – «отцами» и «детьми».

Основная экспертная аудитория («отцов») состоит из авторитетных ученых-экономистов и социологов, работающих в научных и научно-образовательных организациях Новосибирска,

Красноярска, Читы и Кызыла. На пятом этапе исследования, по сравнению с предыдущим, состав экспертной аудитории «отцов» при той же численности (17 экспертов; см. табл. 1) претерпел лишь незначительные изменения.

Таблица 1. Характеристики основной экспертной аудитории

Общее число экспертов	17
- из Новосибирска	14
- из других городов Сибири	3
Сферы научных интересов (по числу экспертов)	
- региональная экономика	9
- институциональная экономика	6
- экономика отраслей и предприятий	4
- социология	2
- экономико-математическое моделирование	2
- другие сферы (Экономическая теория, Макроэкономика, Менеджмент, Финансы)	4
Число экспертов, указавших в качестве основной сферы научных интересов только одну	10
Число экспертов, указавших в качестве основных сфер научных интересов более двух	2

Примечание: экспертам было предложено указать главные сферы научных интересов из составленного нами списка, который охватывает основные области экономической науки. При этом не выдвигалось требование указать только одну из сфер.

Индикативная экспертная аудитория «детей» включала 27 респондентов и состояла из студентов старших курсов, магистрантов, аспирантов экономического факультета НГУ.

В результате проведенного опроса мы получаем *два набора экспертных оценок*:

1) *оценки безусловных шансов событий*, т.е. мнения экспертов о реализуемости заданных событий, которые дают численно выраженную картину прогнозируемого развития экономики;

2) *оценки условных шансов событий* при предположении о реализации каждого из базовых сценариев⁸, которые формируют «оцифрованные» представления о сценариях, позволяют соотносить их с численными характеристиками прогноза и выявлять степень релевантности.

На основе индивидуальных экспертных оценок методом ранжирования [Павлов, Соколов, 2015] определяются *обобщенные (агрегированные) оценки*, т.е. вычисляются результирующие

⁸ Принцип оценивания условных шансов событий описан в работе [Благовещенский и др., 2012. С. 79].

значения безусловных и условных шансов событий по проблемам, включенным в модельную конструкцию прогноза, которые образуют *полную информационную базу для численного моделирования* (см. Приложение).

В нашем исследовании для получения корректных результатов большое значение имеет компетентность экспертов в заявленной проблематике. Одной из характерных черт сибирской экономической школы, к которой принадлежат участвующие в проекте эксперты основной группы, является социальная направленность. Это означает приверженность к изучению не просто экономических, а социально-экономических проблем с анализом и оценкой экономических эффектов для общества в их различных аспектах. Иными словами, компетентность экспертов-«отцов» в социальной проблематике у нас не вызывает сомнений.

Общая согласованность экспертных оценок контролируется с помощью дисперсионных коэффициентов конкордации⁹, которые вычисляются (после соответствующей ранжировки индивидуальных оценок, полученных от экспертов) для каждой проблемы в отношении безусловных и условных шансов событий. По результатам опроса значения коэффициентов конкордации (их общее число равно 45) оказались в диапазоне от 0,301 до 0,788, что в целом свидетельствует об удовлетворительной общей согласованности оценок шансов событий, а по ряду проблем согласованность оценок является высокой или приближается к таковой.

Степень отклонения индивидуальных экспертных оценок от обобщенных определяется путем расчета статистических коэффициентов компетентности экспертов (вычисляются для оценок безусловных и условных шансов событий по каждой проблеме с последующим усреднением для каждого эксперта). При 17 экспертах нормативное значение коэффициента компетентности приблизительно равно 0,59; значения коэффициентов для отдельных экспертов по оценкам безусловных шансов событий лежат в диапазоне от -12,0 до +17,6%; по оценкам условных шансов – в интервале от -22,0 до +16,8%. В большинстве случаев отклонения индивидуальных коэффициентов компетентности от нормативного значения не превышают величины стандартных

⁹ Могут принимать значения от 0 (полная рассогласованность оценок) до 1 (полная согласованность) [Павлов, Соколов, 2015].

отклонений, находящихся в интервале 0,004–0,005, или 6,2–9,2% (для шести видов оценок)¹⁰.

Результаты моделирования прогноза

В процессе численного моделирования с использованием аппарата байесовской вероятности рассчитываются *шансы (вероятности) реализации базовых сценариев*. Сходимость рекуррентных вычислений обеспечивается большим числом итераций (10 тыс.).

Результаты моделирования (в виде шансов реализации базовых сценариев), полученные на пятом этапе, несколько отличаются от результатов предыдущего, но в целом вписываются в общую канву оценок, которая сложилась в 2016–2017 гг. при построении прогнозов с привязкой к отдельным макропроблемам (рис. 1).

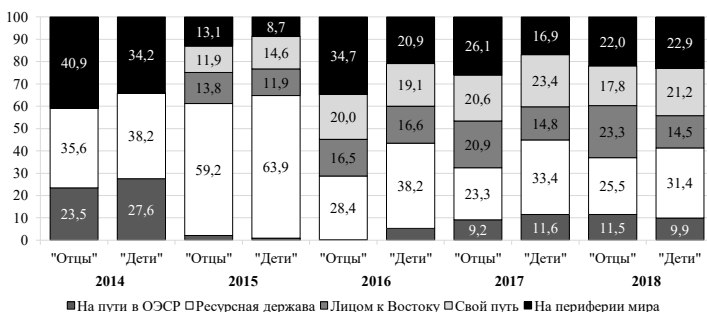

Рис. 1. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертных аудиторий «отцов» и «детей»,%

По оценкам основной экспертной аудитории, наиболее вероятен (хотя и с небольшим преимуществом) ресурсный сценарий (25,5%), а наименее – прозападный (11,5%). В формально-цифровом отношении прогноз 2018 г. выглядит немного более оптимистичным по сравнению с предшествующим, что выражается в уменьшении шансов очевидно негативного периферийного сценария (с 26,1 до 22,0%) и в повышении шансов сценария «На пути в ОЭСР» (с 9,2 до 11,5%). Выявляется близость шансов на реализацию сценариев

¹⁰ В нашем исследовании предельно допустимое отклонение индивидуального коэффициента компетентности от нормативного мы полагаем равным $\pm 0,5$. Если отклонение выходит за указанные пределы, индивидуальные оценки эксперта диаметрально отличаются от обобщенных.

«Ресурсная держава», «Лицом к Востоку» и «На периферии мира» в диапазоне от 22 до 25,5%, что не слишком отличается от результатов четвертого этапа исследования.

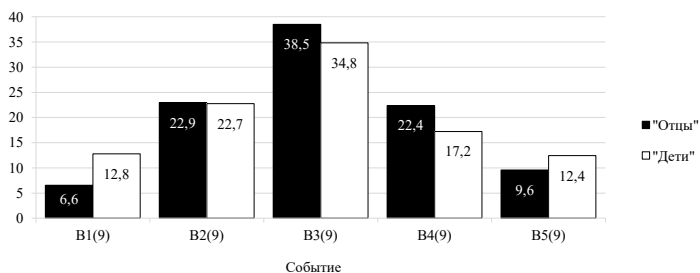
Мы полагаем, что оценки пятого этапа и их отличия от предыдущих обусловлены главным образом особенностями социальной проблематики, ставшей «стержнем» при построении прогноза. Так, «монетизация» социальной политики по образу и подобию развитых стран с рыночной экономикой действительно способствует формированию мнения о сравнительной близости путей развития России и Запада, что объясняет повышение шансов сценария «На пути в ОЭСР». И конечно же, наличие серьезных социальных проблем не является уникальным свойством России. Бедность и безработица, дифференциация доходов или проблема молодежи существуют во всем мире, в том числе и в развитых странах. Поэтому в данном аспекте мы просто выйдем «со братьями по несчастью», и повышение шансов прозападного сценария в сущности свидетельствует не об оптимизме прогноза, а о наличии у России и стран Запада сходных проблем и трудностей.

Не менее логичным выглядит представление о будущем социальном устройстве страны, в котором сохранятся весомые элементы патернализма, что может быть характерно для ресурсного, восточного и периферийного сценариев. При этом заметное уменьшение шансов периферийного сценария, скорее всего, говорит о следующем: эксперты не склонны полагать, что государство допустит серьезное ухудшение социальной обстановки в стране, ибо это самый короткий путь к революции. На этом фоне несколько «затерялся» сценарий «Свой путь», что, на наш взгляд, имеет два объяснения: с одной стороны, он может рассматриваться как некий труднодостижимый идеал с оптимальным сочетанием государственных гарантий и личной ответственности граждан, общественного фондирования и коммерциализации институтов социальной поддержки; а с другой – его черты несколько растворяются в свойствах ресурсного, восточного и периферийного сценариев, что побуждает экспертов отдать сравнительное предпочтение какому-либо из последних.

Прогноз экспертов-«детей» в наибольшей степени отличается от прогноза «отцов» в оценках шансов ресурсного (31,4 против 25,5%) и восточного (14,5 против 23,3%) сценариев. Если

сравнивать оценки последних трех этапов, в этом отношении практически ничего не изменилось: юные эксперты по-прежнему считают «Ресурсную державу» наиболее вероятным прогнозным сценарием для российской экономики и весьма скептически воспринимают возможность развития на основе опыта наших восточных соседей. Новое в результатах пятого этапа состоит в том, что шансы сценария «На пути в ОЭСР», по оценкам «детей» (9,9%), оказались несколько ниже, чем по оценкам «отцов» (11,5%).

Говоря формально, на этот раз «дети» смотрят в будущее чуть с большим пессимизмом, чем «отцы». По-видимому, объяснение следует искать в особенностях социальной проблематики, положенной в основу построения прогноза. Если сравнить оценки шансов событий по проблемам, которые включены в модельную конструкцию, можно обнаружить, что и «отцы», и «дети» в качестве наиболее вероятного исхода во всех случаях выбрали одну и ту же проблему. Однако для оценок «детей» применительно к каждой проблеме свойственно более радикальное расслоение, что хорошо видно на примере проблемы молодежи: «дети» более высоко оценивают шансы как сравнительно наилучшего, так и наихудшего из событий, тогда как «отцы» в большей степени привержены «золотой середине» (рис. 2).

Примечание. События B1(9)...B5(9) упорядочены в порядке ухудшения – от «Усилиями общества и государства для молодого поколения создаются условия почти как в песне: “Молодым везде у нас дорога”... до “Проблемы социальной адаптации молодежи приобретают критический характер... Происходит усиление, с одной стороны, инфантилизма, а с другой – радикально-протестных настроений...». Полные формулировки событий см. в Приложении.

Рис. 2. Шансы событий по проблеме № 9 (Молодежи)
по агрегированным оценкам «отцов» и «детей»,%

Общие результаты моделирования прогноза практически подтверждаются данными *корреляционного анализа агрегированных оценок безусловных и условных шансов событий*, т.е. шести векторов, каждый из которых включает 45 элементов (по 5 оценок для всех девяти проблем). Вектор безусловных оценок дает числовые характеристики прогноза, векторы условных оценок количественно описывают соответствующие базовые сценарии. В оценках «отцов» наиболее сильная корреляция прогнозируемого развития событий выявляется со сценариями «Ресурсная держава» (0,97), «Лицом к Востоку» (0,96) и «Свой путь» (0,91) в противоположность периферийному и, тем более, прозападному сценарию. Высокий коэффициент корреляции безусловных шансов событий с условными по сценарию «На периферии мира» (0,63) тем не менее говорит о большой угрозе его реализации. Оценки «детей» вполне определенно дают преимущество сценарию «Ресурсная держава» и несколько меньшее – сценарию «Свой путь» (табл. 2).

Таблица 2. Результаты попарного корреляционного анализа агрегированных безусловных оценок и условных оценок, соответствующих базовым сценариям

Оценка экспертов	Базовый сценарий				
	На пути в ОЭСР	Ресурсная держава	Лицом к Востоку	Свой путь	На периферии мира
«Отцы»	0,451	0,968	0,956	0,914	0,634
«Дети»	0,215	0,950	0,514	0,793	0,527

Итоги оценивания шансов реализации базовых сценариев хорошо корреспондируют с тем, что в фазовом экономическом пространстве точка прогноза-2018 сместилась в направлении сценария «На пути в ОЭСР» при уменьшении степени администрирования и почти неизменном уровне прагматизма (рис. 3)¹¹.

Текущий результат мониторинг-прогноза, по сути, должен иметь те же объяснения, что и общий результат моделирования,

¹¹ Принципы построения фазового пространства, определения фазовых координат и «рисования» фазового портрета, которые позволяют строить мониторинг-прогноз в рамках многостадийного исследования описаны в нашей предыдущей статье [Михайловская, Шмат, 2018].

во многом вытекающий из специфики макропроблемы «Социальное развитие» (см. выше).

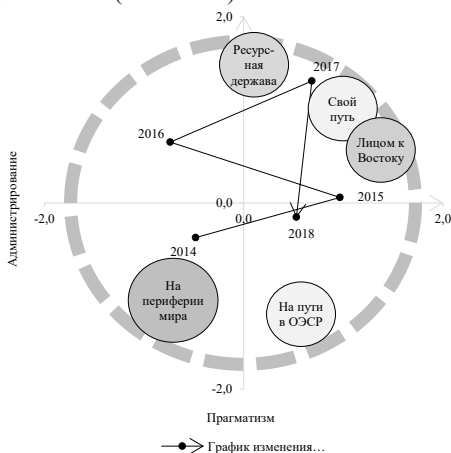

Рис. 3. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертных аудиторий «отцов» и «детей»,%

Картинка наиболее вероятного будущего

В дополнение к представленным выше формальным, численным результатам прогнозирования мы попытаемся нарисовать картину будущего, в котором произойдут события, получившие максимальные оценки от экспертов. Наша задача при этом упрощается, поскольку в рамках каждой проблемы представители обеих экспертных аудиторий дали наивысшие оценки шансов одним и тем же событиям (табл. 3).

Итак, что же нас ждет в будущем?..

Как видно из таблицы 3, в десятку наиболее вероятных вошли события, охватывающие полный круг проблем, включенных в модельную конструкцию (проблема «глубинки» в рейтинге представлена двумя событиями), что в какой-то степени закономерно. Большинство событий (8) в рейтинге имеет номер «3», т.е. они находятся в середине по ранжировкам от лучших к худшим для каждой из проблем, и присутствуют два события с номером «4» (ближе к худшим из числа возможных исходов). Заметим, что ни одно из наиболее вероятных событий не имеет шансов, превышающих 50% (максимум 43,2%), что говорит

о довольно высокой степени предположительности полученного результата.

Таблица 3. Десятка событий, получивших наибольшие шансы по агрегированным оценкам экспертов-«отцов», %

Код	Событие	Проблема		Оценка шансов
	Содержание	№	Название	
V3(4)	Ситуация в сфере занятости населения и безработицы не претерпевает видимых изменений...	4	Безработица и занятость	43,2
V3(7)	Сравнительно медленное развитие социальной сферы преимущественно в государственном формате...	7	Социальная сфера	40,4
V3(6)	Уровень социальной защиты населения возрастает очень медленно...	6	Социальная защита населения	39,5
V3(9)	Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными (но во многом преодолимыми) трудностями в жизненной адаптации...	9	Проблема молодежи	38,5
V3(8)	Проблема почти выпадает из поля зрения федерального центра и ложится на плечи регионов...	8	Положение «глубинки»	37,0
V3(5)	Медленный рост уровня жизни. Государство сосредоточивается преимущественно на перераспределительных функциях...	5	Уровень жизни и распределение доходов	36,6
V3(2)	Реализуется умеренный (средний) демографический прогноз (численность населения постепенно сокращается...)	2	Демографическая ситуация	35,8
V3(3)	Уровень бедности в среднем почти не меняется. В значительной степени преодолевается трудовая бедность...	3	Преодоление бедности	34,5
V4(8)	Сравнительно благополучная ситуация в богатых регионах. В остальных «глубинка» более или менее быстро деградирует...	8	Положение «глубинки»	33,6
V4(1)	Преимущественно популистская социальная политика. Обеспечивает минимум социальных гарантий...	1	Социальная политика	31,9

Примечание. Полные формулировки событий см. в Приложении.

Численность населения страны постепенно сокращается из-за сравнительно низкой рождаемости и высокой смертности; доля молодого населения уменьшается, а населения старше трудоспособного возраста увеличивается; удельный вес населения в трудоспособном возрасте почти не меняется во многом благодаря положительной внешней миграции. Точно также почти не меняется уровень бедности. В значительной степени преодолевается трудовая бедность, но сохраняется острота проблемы для нетрудоспособного населения, которое находится «под опекой» государства. Деятельная часть населения и бизнес

придерживаются принципа ограниченной ответственности, думая о своих интересах и мало заботясь о нуждах людей, относящихся к социально незащищенным категориям. Общий уровень жизни населения растет медленно. Государство сосредоточивается преимущественно на перераспределительных функциях, стараясь решать материальные проблемы малоимущих и социально незащищенных слоев населения. Заработная плата, регулируемая в основном через ставки МРОТ, обеспечивает работающим гражданам достижение средних стандартов благополучия.

Статистика занятости населения и безработицы показывает, что ситуация не претерпевает видимых изменений. При этом растет скрытая безработица, в некоторой мере обостряется проблема гендерной (среди женщин) и возрастной безработицы (среди молодежи и трудоспособных граждан старшего возраста). Имеет место значительная межрегиональная дифференциация в уровне занятости и безработицы – последняя концентрируется в депрессивных регионах, тогда как регионы – экономические лидеры в целом весьма успешно решают проблему.

Социальная защита населения прогрессирует очень медленно и незначительно. Системы социального страхования и пенсионного обеспечения работают с большим напряжением, постоянно находясь под угрозой дефицита финансовых ресурсов, которые формируются почти исключительно за счет обязательного страхования. Столь же медленное развитие социальной сферы происходит преимущественно в огосударственном формате с финансированием за счет страховых фондов и бюджетных источников. Населению практически гарантируется минимум услуг; возможности получения сложных, высокотехнологичных услуг зачастую лимитируются. Частные инвестиции в социальную сферу связаны с высоким риском из-за недостаточного платежеспособного спроса со стороны населения.

Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными, но все-таки преодолимыми трудностями в жизненной адаптации. Острота проблем в большой степени зависит от территориального и сословного факторов – в очевидном худшем положении находятся молодые граждане, живущие в периферийных

регионах, в малых городах и сельской местности, а также происходящие из сравнительно малообеспеченных семей. На фоне несогласованности потребностей экономики и личных интересов выявляются структурные диспропорции в профессиональной подготовке. В настроениях и поведении отдельных групп молодежи наблюдаются признаки инфантилизма, что обусловлено недовольством условиями жизни и неверием в возможность решения проблем.

Социально-экономическое положение «глубинки» почти выпадает из поля зрения федерального центра, и тяжесть решения проблемы практически полностью ложится на плечи регионов. Сравнительно благополучное положение или даже заметный подъем «глубинки» наблюдаются в отдельных субъектах Федерации – наиболее богатых и старающихся целеустремленно решать задачи по развитию малых городов и сельских населенных пунктов. На большей части страны положение «глубинки» в лучшем случае не меняется; ситуацию в целом можно охарактеризовать как вялую деградацию.

Сложная социальная обстановка в стране обусловлена, с одной стороны, не слишком благоприятной экономической динамикой, а с другой – неудачами в государственной социальной политике. Последняя имеет по преимуществу популистский характер, обеспечивает минимум гарантий населению и отличается периодическими «вспышками» активности для поддержания общественной стабильности и лояльности электората (в предвыборные периоды). На общем фоне сравнительно успешной выглядит политика в области демографии – она не вполне эффективна и вызывает определенный скептицизм в общественном мнении, но способствует поддержанию численности работоспособного населения за счет миграционного притока. Впрочем, последнее в немалой степени объясняется трудностями, которые переживает ряд стран Ближнего Зарубежья, где условия жизни были и остаются менее благоприятными, чем в России.

* * *

Насколько оптимистичной (или, наоборот, пессимистичной), а самое главное – правдоподобной, – выглядит нарисованная картина будущего, предоставим судить уважаемому читателю.

Нам же, в завершение повествования о результатах пятого этапа исследования по построению сценарного прогноза российской экономики, хотелось бы отметить следующее. С одной стороны, социальная проблематика, положенная в основу прогнозирования, конечно, представляет для нас определенную трудность, поскольку мы не специализируемся на изучении социальных проблем. С другой стороны, социальные проблемы – это как раз то, что практически каждый из нас чуть ли не ежедневно наблюдает и «ощущает на собственной шкуре». Отличие же исследователя от обывателя состоит в том, что он размышляет над увиденным и ощущаемым, пытается выявить тенденции и сформулировать обобщения (по методу синтеза, делая общие выводы из частного). Причем в проводимом исследовании мы опираемся не на свои личные суждения, а на мнение представительной группы экспертов, которые, мы нисколько в этом не сомневаемся, придерживаются исследовательской модели восприятия действительности и предвидения будущего.

И это дает нам надежду, что проделанная работа не совсем напрасна, а полученные результаты представляют определенный интерес и пользу. По нашему мнению, российские власти должны иметь конкретно очерченный долгосрочный план или программу развития страны и принимать выверенные стратегические решения, глядя в завтрашний день, не во вчерашний. Это, в свою очередь, порождает необходимость формирования адекватных представлений о будущем и ставит перед научным сообществом задачу составления надежных и правдоподобных прогнозов на длительную перспективу, которые могут быть положены в основу государственных планов социально-экономического развития России. В меру наших скромных сил мы пытаемся внести свой вклад в общую «копилку» знаний о будущем и намерены продолжить исследование по сценарному прогнозированию российской экономики с тем, чтобы примерно через год представить новые результаты.

Приложение

Проблема 1. Социальная политика: цели, задачи, реальное содержание¹²

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
1.1. Комплексная, сбалансированная социальная политика, органично встроенная в систему государственных социально-экономических политик. Нацелена на создание максимально широких условий для развития человека и обеспечение роста благосостояния граждан	5,5	23,3	8,9	8,6	15,1	2,6
1.2. Сильная социальная политика, тесно связанная с политикой экономического роста и нацеленная прежде всего на создание благоприятных условий для экономически активного населения. В решении задач такой политики большая нагрузка ложится на корпорации (работодателей). Носит компенсационный характер для социально незащищенных слоев населения	12,2	24,8	14,4	21,0	18,2	8,5
1.3. Социальная политика, лежащая в русле финансовой политики государства, нацеленная главным образом на защиту социально незащищенных слоев населения путем материальной поддержки и обеспечения социальными услугами за счет бюджетных ресурсов	29,1	28,7	31,6	31,1	27,9	23,0
1.4. Преимущественно популистская социальная политика. Обеспечивает минимум социальных гарантий и характеризуется периодическими «вспышками» активности для поддержания общественной стабильности и лояльности населения	31,9	17,1	30,2	25,7	22,8	35,8
1.5. Слабая социальная политика, финансируемая и реализуемая по остаточному принципу. Реализация такой политики позволяет, в лучшем случае, решать наиболее критические задачи текущего момента, расширять наиболее узкие места	21,3	6,1	14,9	13,5	16,0	30,2

Проблема 2. Демографическая ситуация

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.1. Реализуется оптимистический демографический прогноз (численность населения умеренно возрастает благодаря сравнительно высокой рождаемости, снижению смертности и увеличению продолжительности жизни, положительной миграции; доля населения моложе трудоспособного возраста снижается медленно, растет доля населения в пожилом возрасте, снижается доля трудоспособного населения). Результат успешных консолидированных усилий общества и государства, направленных на решение демографической проблемы	5,6	18,7	10,5	14,0	15,0	7,1

¹² В таблицах с характеристиками проблемных ситуаций в столбце P приводятся обобщенные значения безусловных шансов событий (%), а в столбцах A1, A2, A3, A4, A5 – обобщенные оценки условных шансов событий по сценариям (%) по аудитории экспертов-«отцов».

Окончание табл. 2

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.2. Реализуется сравнительно высокий демографический прогноз (параметры прогноза в целом схожи с оптимистическим вариантом, но при более низком темпе роста населения). Государственные меры по решению демографической проблемы не всегда приносят ожидаемые результаты и не всегда находят подобающий отклик у населения	17,6	22,4	14,6	17,7	20,8	12,4
2.3. Реализуется умеренный (средний) демографический прогноз (численность населения постепенно сокращается из-за сравнительно низкой рождаемости и высокой смертности, снижается доля молодого населения, доля населения в трудоспособном возрасте почти не меняется, доля населения старше трудоспособного возраста медленно возрастает). Государственная демографическая политика не вполне эффективна, в общественном мнении усиливается скептицизм в ее отношении	35,8	32,9	34,4	33,2	27,8	24,9
2.4. Реализуется сравнительно низкий демографический прогноз (ускоряется темп депопуляции при крайне низком повышении рождаемости и почти неизменном уровне смертности, продолжительность жизни почти не увеличивается; как следствие, сравнительно высока доля трудоспособного населения; снижаются темпы миграционного прироста населения). Меры государственного воздействия на демографические процессы малоэффективны вследствие их несистемности и недостаточности, не пользуются доверием со стороны населения	27,4	18,7	27,1	22,6	22,1	28,0
2.5. Реализуется пессимистический демографический прогноз (наиболее высокий темп депопуляции – уровень рождаемости снижается, продолжительность жизни не увеличивается, низкие темпы миграционного прироста населения; усиливаются негативные тенденции в возрастной структуре населения, характерные для низкого варианта прогноза). Неравномерность в заселении территории страны приближается к опасному пределу. Меры государственной политики неэффективны, отсутствует взаимопонимание между государством и обществом по отношению к демографической проблеме	13,6	7,4	13,3	12,4	14,3	27,7

Проблема 3. Проблема преодоления бедности

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.1. Уровень бедности (абсолютной и относительной) устойчиво снижается, приближаясь к показателям высокоразвитых стран. Преодоление бедности достигается на основе широкого консенсуса по отношению к данной проблеме. Органично сочетаются элементы личной самозащиты граждан от бедности, социальной ответственности бизнеса и государственной поддержки малоимущих	8,7	24,4	12,8	13,2	16,9	5,1
3.2. Уровень бедности снижается, но преимущественно это касается абсолютной бедности, при сохранении значительной дифференциации в доходах населения. Основная нагрузка в решении проблемы бедности ложится на государство при меньшей активности со стороны населения и бизнеса	25,0	32,0	24,5	23,9	24,5	15,8

Окончание табл. 3

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.3. Уровень бедности в среднем почти не меняется. В значительной степени преодолевается трудовая бедность, но сохраняется острота проблемы для нетрудоспособного населения, которое находится «под опекой» государства. Деятельная часть населения и бизнес придерживаются принципа ограниченной ответственности	34,5	26,0	30,6	29,1	26,6	26,1
3.4. Бедность нарастает в strataх населения, традиционно считающихся малоимущими; расширяется немонетарная бедность. В обществе преобладают иждивенческие настроения; бизнес почти отстраняется от решения проблемы бедности; государство «сражается» с бедностью в одиночку, но его усилия и возможности недостаточны	19,2	12,8	19,5	22,5	18,4	28,6
3.5. Бедность (в различных ее формах) нарастает, затрагивая все более широкие strata населения, несмотря на некоторые видимые усилия по борьбе с ней. Устраняется нет внятной политики, направленной на преодоление бедности; меры, предпринимаемые государством, не только явно недостаточны, но зачастую имеют декларативный, показательный характер	12,7	4,8	12,6	11,3	13,6	24,3

Проблема 4. Проблема занятости населения и сокращения безработицы

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.1. Устойчивый рост занятости на основе гибкой политики создания новых рабочих мест благодаря стимулированию экономического роста, поддержке предпринимательства, развитию малого бизнеса, созданию благоприятных условий для самозанятости населения	7,9	22,3	10,6	12,2	16,1	4,3
4.2. Рост занятости населения. На первое место по значимости выходит проблема структурной безработицы. Государство при участии бизнеса пытается решить данную проблему (целевые программы переподготовки кадров, переселения, создания рабочих мест в общественном секторе и т.п.)	19,5	29,4	21,0	20,6	21,2	12,8
4.3. Ситуация в сфере занятости населения и безработицы не претерпевает видимых изменений (в среднестатистических показателях). Растет скрытая безработица, в некоторой мере обостряется проблема гендерной и возрастной безработицы. Имеет место значительная межрегиональная дифференциация в уровне занятости и безработицы	43,2	29,2	35,5	35,0	32,4	28,9
4.4. Безработица на высоком уровне. Проблема занятости остается одной из самых острых. В депрессивных регионах складывается ситуация, близкая к критической. Государство фактически смирилось с этим и борется лишь с последствиями, стараясь несколько улучшить материальное положение безработных путем социальных выплат и пособий	18,8	13,6	19,2	21,5	16,7	30,0

Окончание табл. 4

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.5. Проблема занятости населения всерьез обостряется, происходит рост безработицы во всех ее проявлениях. Государство не справляется с функциями социальной поддержки безработных. Результатом этого становится усиление напряженности в обществе и негативного отношения к трудовым мигрантам	10,6	5,4	13,8	10,8	13,6	24,0

Проблема 5. Проблема уровня жизни и справедливого распределения доходов

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
5.1. Формируются устойчивые представления о справедливой оплате труда и поддержке неработающего населения на базе консенсуса между обществом (при активной роли профсоюзов), государством и бизнесом. Это создает надежный фундамент для постоянного роста уровня жизни и приближения к стандартам, характерным для высокоразвитых государств	5,5	22,8	10,4	10,0	14,1	3,7
5.2. Умеренно быстрое в среднем повышение уровня жизни населения – в основном за счет опережающего роста доходов у работающих в наиболее преуспевающих отраслях экономики. Пенсии, страховые выплаты, государственные пособия и неденежная поддержка обеспечивают более-менее достойный уровень жизни социально незащищенным слоям населения	17,0	26,3	18,9	18,9	20,4	11,7
5.3. Медленный рост уровня жизни. Государство сосредотачивается преимущественно на перераспределительных функциях, стараясь решать материальные проблемы малоимущих и социально незащищенных слоев населения. Регулирование заработной платы через ставки МРОТ, которые обеспечивают работающим достижение средних стандартов благополучия	36,6	32,1	35,8	29,9	30,8	21,2
5.4. Уровень жизни практически не растет. Слабая государственная политика в области регулирования доходов и заработной платы приводит к тому, что функции фактического регулятора выполняет бизнес исходя из своих интересов. Значительная доля «серой» заработной платы существенно ограничивает возможности пополнения пенсионных и социальных фондов и, соответственно, размеры выплат нетрудоспособному населению	27,1	13,7	23,8	26,9	19,9	36,1
5.5. Уровень жизни снижается. Медленный рост заработной платы даже в наиболее благополучных отраслях экономики. Несостоятельность государственной регуляторной политики, не обеспечивающей достижение прожиточного минимума для значительной части работающих.	13,7	5,1	11,1	14,4	14,7	27,2

Проблема 6. Проблема социальной защиты населения

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
6.1. Складывается многозвенная комплексная система социальной защиты, в которой органично сочетаются элементы ответственности государства, бизнеса и населения. Страховые вложения становятся одной из наиболее выгодных возможностей для инвестирования доходов населения. В России формируется общество, в котором никто не чувствует себя ущемленным	4,1	23,6	11,1	10,8	15,3	3,7
6.2. Социальная защита в основном остается прерогативой государства и бизнеса (работодателей) при сравнительно слабом участии и незаинтересованности населения. Население главным образом выступает в роли потребителя благ социальной защиты. Тем не менее в целом социальная защита находится на довольно высоком уровне	18,7	28,3	22,3	20,4	23,4	12,4
6.3. Уровень социальной защиты населения возрастает очень медленно. Системы социального страхования и пенсионного обеспечения работают с большим напряжением, постоянно находясь под угрозой дефицита финансовых ресурсов, которые формируются исключительно за счет обязательного страхования	39,5	26,9	33,8	32,9	29,4	24,6
6.4. Система социальной защиты во многом не справляется с возложенными на нее задачами и не оправдывает ожидания населения. Усиливается бюрократизация; при реализации своих прав на социальную защиту населению приходится сталкиваться с многочисленными препятствиями и трудностями	26,3	16,8	22,2	23,4	18,6	31,8
6.5. Уровень социальной защиты населения находится на крайне низком уровне, не компенсирующем даже минимальные риски, которые являются основанием для получения социальной поддержки. В системе институтов социальной защиты процветают бюрократия и коррупция, вызывающие массовое недовольство со стороны населения	11,4	4,4	10,6	12,5	13,2	27,4

Проблема 7. Проблема развития социальной сферы

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.1. Масштабы и темпы развития социальной сферы позволяют удовлетворять обоснованные потребности населения. Рациональным образом сочетаются государственная и частная инициатива. Государство обеспечивает надлежащий контроль за качеством услуг во всех сегментах социальной сферы	6,3	22,6	12,5	12,0	15,9	4,6
7.2. Достаточно быстрое развитие социальной сферы преимущественно на основе коммерциализации всех услуг за рамками общедоступного минимума, который обеспечивается государством. Тем не менее минимальные стандарты устойчиво повышаются. Рост коммерческого сегмента социальной сферы опирается на возрастающие доходы населения	16,7	25,0	19,4	17,8	19,8	11,1

Окончание табл. 7

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.3. Сравнительно медленное развитие социальной сферы преимущественно в государственном формате с финансированием за счет страховых фондов и бюджетных источников. Практически гарантируется минимум услуг населению; возможности получения сложных, высокотехнологичных услуг во многих случаях лимитируются. Частные инвестиции в социальную сферу связаны с высоким риском из-за ограниченности платежеспособного спроса на услуги	40,4	28,9	37,2	35,5	29,9	27,1
7.4. В социальной сфере нарастают диспропорции и дефициты в пространственном отношении и по различным видам услуг, из-за чего нередко ограничивается доступ для населения даже к минимальным услугам и создаются предпосылки для усиления коррупции. Стандарты минимальных гарантированных (по обязательному страхованию) услуг почти не повышаются	24,8	18,0	21,5	22,8	19,5	32,2
7.5. Застой в социальной сфере с признаками деградации. Усиливаются диспропорции и дефицит общедоступных услуг (особенно – услуг высокого качества, высокотехнологичных услуг). Большинство населения может рассчитывать лишь на минимальные услуги по низким стандартам в рамках обязательного государственного страхования. Высококачественные платные услуги социальной сферы доступны лишь наиболее обеспеченным слоям населения	11,9	5,6	9,5	11,9	14,9	25,0

Проблема 8. Проблемы российской «глубинки» – сел и малых городов

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.1. В масштабах практически всей страны реально решается задача по превращению сел и малых городов в привлекательные места для жизни людей. Активную роль в этом играет государство, стимулируя экономический рост в «глубинке» (в том числе поддерживая малый и средний бизнес) и с помощью обоснованных, эффективных финансовых вливаний	4,3	19,5	9,6	10,6	13,6	2,9
8.2. Происходит подъем «глубинки» в большинстве регионов страны, кроме наиболее бедных, депрессивных. Центр взаимодействует с регионами, но основная нагрузка ложится на регионы. Центр помогает (в основном финансово) наиболее слабым и отстающим территориям	14,1	23,9	16,9	16,7	18,8	9,6
8.3. Проблема почти выпадает из поля зрения федерального центра и ложится на плечи регионов. Заметный подъем «глубинки» в отдельных регионах – наиболее богатых и стареющих целенаправленно решать данную проблему. На большей части страны положение «глубинки» в лучшем случае не меняется, нет роста, но и не происходит очевидной деградации	37,0	27,6	31,7	32,7	29,7	26,4
8.4. Сравнительно благополучная ситуация в богатых регионах. В остальных «глубинка» более или менее быстро деградирует. Ситуацию в целом можно охарактеризовать как вялую деградацию, в которой наиболее заметно снижение качества социально-экономического развития «глубинки»	33,6	22,4	28,5	27,2	22,7	35,1

Окончание табл. 8

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.5. Всеобщая деградация села и малых городов из-за стагнации хозяйства, отсутствия перспектив развития, оттока экономически активного населения. Следствие общеэкономических тенденций и политики, нацеленной на усиление агломерационных процессов	11,1	6,7	13,2	12,8	15,2	26,1

Проблема 9. Проблема молодежи

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
9.1. Усилиями общества и государства для молодого поколения создаются условия почти как поется в песне: «Молодым везде у нас дорога». Реализуются возможности для социальной, экономической, психологической независимости молодых людей при осознанной ими высокой степени ответственности за собственные жизненные выборы с учетом личных и национальных интересов	6,6	18,6	10,2	12,3	15,2	5,3
9.2. Главный аспект в проблеме молодежи связан с профессиональной ориентацией и подготовкой, началом трудовой деятельности, карьерным ростом и обретением экономической независимости. Ведущая роль в решении принадлежит государству при меньшей активности бизнеса и общественных структур. В очевидно худшем положении находятся молодые люди, проживающие в «глубинке» и периферийных регионах	22,9	28,7	23,3	20,3	21,8	13,4
9.3. Молодежь сталкивается с разнообразными и довольно серьезными (но во многом преодолимыми) трудностями в жизненной адаптации. Структурные диспропорции в профессиональной подготовке на фоне несогласованности общественных (потребностей экономики) и личных интересов. В настроениях и поведении отдельных групп молодежи наблюдаются признаки инфантилизма. Острота молодежных проблем в большой степени зависит от территориального и сословного факторов	38,5	27,9	33,3	32,4	27,7	25,8
9.4. Многие молодежные проблемы становятся трудно решаемыми. Значительная безработица среди молодежи, низок уровень жизни (вследствие прежде всего низкой оплаты труда и малых социальных выплат), ограниченные возможности для получения хорошего образования. Это выливается в растущий инфантилизм, захватывающий все более широкие слои молодежи и сочетающийся с протестными акцентами в отношении к государству, которое не уделяет должного внимания проблемам молодежи	22,4	17,7	20,7	22,4	20,1	29,2
9.5. Проблемы социальной адаптации молодежи приобретают критический характер. Сильная дифференциация в положении молодежи по сословному и территориальному признакам. Растущий отток молодежи (преимущественно образованной) за рубеж на фоне маргинализации значительной части молодых людей, остающихся в стране. Происходит усиление, с одной стороны, инфантилизма, а с другой, – радикально-протестных настроений	9,6	7,1	12,5	12,5	15,3	26,3

Литература

Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9. С. 66–84.

Амусин М. Сергей Носов: закулисье и захолустье // Знамя. 2015. № 2. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5807> (дата обращения: 27.11.2018).

Архангельский В. Н., Данилова И. А., Дмитриев Р. В., Хасанова Р. Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. № 3. С. 24–36.

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Сценарное прогнозирование политической ситуации в России. Аналитический доклад № 5, весна 2016. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. 96 с. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (дата обращения: 02.12.2018).

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Экспертно-статистический байесовский подход к сценарному политическому прогнозированию // Полис. 2012. № 4. С. 74–96.

Донова И. В. Вузовские реформы и профессионализм: новые стимулы и угрозы // ЭКО. 2016. № 6. С. 130–142.

Жуковская И. Ф., Краснова М. В. Доходы населения России: динамика, трансформация структуры и дифференциация // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4. С. 174–181.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй // ЭКО. 2015. № 12. С. 45–65.

Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах. Обновленное электронное издание). М., 2018. 897 с. URL: <http://refru.ru/> (дата обращения: 05.12.2018).

Люблинский В. В. Социальная политика в странах Запада – пример для России? // Власть. 2008. № 11. С. 31–36.

Меркулов П. А., Орлова В. Н. Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). С. 69–75.

Михайловская Д. С., Трочинская Д. А., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд третий // ЭКО. 2017. № 2. С. 36–62.

Михайловская Д. С., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд четвертый // ЭКО. 2018. № 5. С. 110–138.

Павлов А. Н., Соколов Б. В. Методы обработки экспертной информации. – СПб.: ГУАП, 2015. 42 с.

Руднев В. Д., Шпилина Т. М. Социально-экономические проблемы безработицы и нерациональной занятости в России // Социальная политика и социология. 2015. Т. 4. № 5. С. 134–141.

Соловьев А. К. Старение населения как угроза бюджетного кризиса: актуальный анализ // ЭКО. 2016. № 4. С. 141–160.

Соловьев А. К. Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: риски роста бедности // ЭКО. 2017. № 8. С. 139–153.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: Статистический сб. / М.: Росстат, 2013. 327 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Статистический сб. / М.: Росстат, 2017. 332 с.

Фадеева О. П. Оскудеет ли сибирская нива? Аграрная политика в зеркале всероссийских сельскохозяйственных переписей // ЭКО. 2018. № 12. С. 143–162.

Чернышев В. М., Воевода М. И., Стрельченко О. В. Рационализация использования ресурсов в российском здравоохранении // ЭКО. 2016. № 11. С. 39–55.

Статья поступила 15.01.2019.

Summary

Mikhailovskaya D.S., Novosibirsk State University, Shmat V.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk

The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Fifth Sight

This articles continue the series of publications with short reports about results of forecasting Russian economy development with expert-statistical Bayesian method. The special feature of this method is that it can be used under the circumstances of strong uncertainty. The fifth step of the research model focussed on social problems. As a result the picture of the most probable future scenario was formulated according to experts' estimations and their interpretation. Numerical modeling shows strong connection between this picture and resources, Eastern and peripheral scenarios of our model.

Scenario forecast; economy modeling; expert-statistical Bayesian method; monitoring-forecast; uncertainty; Russian economy; factor analysis; phase space; phase portrait; resource dependency; social problems; social policy

References

Aganbegyan A. G. (2017). Preodoleniye bednosti i sokrashcheniye neravenstva po dokhodam i potrebleniyu v Rossii. *EKO. [ECO]*. No. 9. Pp. 66–84. (In Russ.).

Amusin M. (2015). Sergey Nosov: zakulis'ye i zakhlost'ye. Znamya.. [Banner] No. 2. (In Russ.). Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5807> (accessed: 27.11.2018).

Arkhangelsky V.N., Danilova I.A., Dmitriev R.V., Khasanova R.R. (2017). Prospects of the demographic development of Russia until the mid-century. *Narodonaselenie. [Population]*. No 3. Pp. 24–36. (In Russ.).

Blagoveshchenskiy Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2016). Stsenarnoye prognozirovaniye politicheskoy situatsii v Rossii. *Analiticheskii doklad № 5, vesna 2016*. Moscow: Fond Liberal'naya missiya. 96 p. (In Russ.). Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (accessed: 02.12.2018).

Blagoveshchenskiy Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2012). Expertstatistical, bayesian approach to political prognostication scenarios. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*. No. 4. Pp. 74–96. (In Russ.).

Donova I.V. (2016). The Universities Reform and the Professionalism: new Incentives and Threats. *ECO. [ECO]*. No. 6. Pp. 130–142. (In Russ.).

Zhukovskaya I.F., Krasnova M.V. (2018). Dokhody naseleniya Rossii: dinamika, transformatsiya struktury i differentsiatsiya. *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki. [Innovative development of the economy]*. No 4. Pp. 174–181. (In Russ.).

Kareva D.E., Shmat V.V. (2015). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad vtoroy. *ECO. [ECO]*. No. 12. Pp. 45–65. (In Russ.).

Kalabekov I.G. (2018). Rossiyskiye reformy v tsifrakh i faktakh. (Updated electronic edition). Moscow. 897 p. (In Russ.). Available at: <http://refru.ru/> (accessed: 05.12.2018).

Lyublinskiy V.V. (2008). Sotsial'naya politika v stranakh Zapada – primer dlya Rossii? *Vlast'. [Power]*. No. 11. Pp. 31–36. (In Russ.).

Merkulov P.A., Orlova V.N. (2015). Rossiyskaya spetsifika stanovleniya i realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. [Bulletin of state and municipal government]*. No. 1 (16). Pp. 69–75. (In Russ.).

Mikhaylovskaya D.S., Trochinskaya D.A., Shmat V.V. (2017). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad tretiy. *ECO. [ECO]*. No. 2. Pp. 36–62. (In Russ.).

Mikhaylovskaya D.S., Shmat V.V. (2017). Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami ottsov i detey. Vzglyad chaetverty. *ECO. [ECO]*. No. 4. Pp. 110–138. (In Russ.).

Pavlov A.N., Sokolov B.V. (2015). Metody obrabotki ekspertnoy informatsii. – SPb.: GUAP. 42 p. (In Russ.).

Rudnev V.D., Shpilina T.M. (2015). Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy bezrabotitsy i neratsional'noy zanyatosti v Rossii. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya. [Social policy and sociology]*. Vol. 4. No. 5. Pp. 134–141. (In Russ.).

Solov'yev A.K. (2016). Stareniye naseleniya kak ugroza byudzhethnogo krizisa: aktuarnyy analiz. *ECO. [ECO]*. No. 4. Pp. 141–160. (In Russ.).

Solov'yev A.K. (2017). Pensionnaya reforma v usloviyakh byudzhethnogo krizisa: riski rosta bednosti. *ECO. [ECO]*. No. 8. Pp. 139–153. (In Russ.).

Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2013: Statisticheskiy sbornik. Moscow. Rosstat, 2013. 327 p. (In Russ.).

Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2017: Statisticheskiy sbornik. Moscow. Rosstat, 2017. 332 p. (In Russ.).

Fadeyeva O.P. (2018). Oskudeyet li sibirskaya niva? Agrarnaya politika v zerkale vsrossiyskikh sel'skokhozyaystvennykh perepisey. *ECO. [ECO]*. No. 12. Pp. 143–162. (In Russ.).

Chernyshev V.M., Voyevoda M.I., Strel'chenko O.V. (2016). Ratsionalizatsiya ispol'zovaniya resursov v rossiyskom zdavookhraneni. *ECO. [ECO]*. No. 11. Pp. 39–55. (In Russ.).